

DOI 10.37523/SUI.2023.55.4.020
УДК 159.9

Калимуллина Ольга Анатольевна

доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии образования,
заместитель директора – руководитель,
Казанский филиал Федерального научного центра
психологических и междисциплинарных исследований,
420000, Россия, г. Казань, ул. Исаева, 12,
e-mail: olca.1970@mail.ru

Olga A. Kalimullina

Doctor of Pedagogics, Professor,
Corresponding member of the Russian Academy of Education,
Deputy Head,
Kazan branch of Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research,
12, Isaeva str., Kazan, Russia, 420000,
e-mail: olca.1970@mail.ru

Палеха Екатерина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Казанский филиал Федерального научного центра
психологических и междисциплинарных исследований,
420000, Россия, г. Казань, ул. Исаева, 12,
e-mail: katerina.paleha@gmail.com

Ekaterina S. Palekha

Candidate of Philology, Associate Professor,
Senior Researcher,
Kazan branch of Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research,
12, Isaeva str., Kazan, Russia, 420000,
e-mail: katerina.paleha@gmail.com

**ЛИЦА С ПРИЗНАКАМИ ДЕВИАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
И МЕТОДЫ ИХ ПСИХОРЕЧЕВОЙ ДИАГНОСТИКИ**

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дать эмпирическое обоснование валидности методик психоречевой диагностики девиантности в образовательной среде и повысить психологическую, социальную и информационно-коммуникативную безопасность личности учащегося. В статье дается обзор работы по комплексной программе диагностики признаков девиантности среди учащихся старших классов школ, средне-профессиональных и высших профессиональных учреждений (младшие курсы). Авторы предлагают трехэтапное исследование, которое включает комплекс профессиональных психологических инструментов диагностики учащихся группы риска (первый этап), психолого-педагогическое наблюдение и педагогические опросы их ближайшего окружения (второй этап), авторские психоречевые методики диагностики (третий этап). Авторские методики проходят этап апробации, однако уже установлено, что результаты, полученные по ним, в полной мере соотносятся с результатами первых двух этапов. При этом методики быстро реализуемы, не требуют обширной психологической подготовки и могут быть использованы педагогами, а также преодолевают барьер защиты учащихся от исследования. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного, когнитивного, дискурсивного, нарративно-императивного и полипарадигмального подхода. Методами исследования стали глубинные психолого-педагогические и информационные интервью, фрейм-анализ, тестирование, анкетирование, контент-анализ, интент-анализ, проективный метод, также использовались элементы участвующего наблюдения, комплексный глубинный текстовый анализ, интерпретация, моделирование, обобщение, систематизация и другие общенаучные методы. Предпринята попытка анализировать когнитивно-личностные и психолого-социальные явления через уровень языковых трансформаций (синергия гуманитарного знания).

Ключевые слова: девиантность, личность, образовательная среда, дерадикализация, психологическая и педагогическая диагностика.

**PERSONS WITH SIGNS OF DEVIATION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
AND METHODS OF THEIR PSYCHORECHOLOGICAL DIAGNOSIS**

Summary. The relevance of the study is conditioned by the need to provide empirical substantiation of the validity of methods of psycho-speech diagnostics of deviancy in the educational environment and to increase the psychological, social and information-communication security of the student's personality. The article gives an overview of the work on a comprehensive program of diagnostics of deviancy traits among students of high schools, secondary vocational and higher vocational institutions (junior courses). The authors propose a three-stage research, which includes a set of professional psychological tools for diagnosing students at risk (the first stage), psychological and pedagogical observation and pedagogical surveys of their immediate environment (the second stage), author's psycho-verbal diagnostic techniques (the third stage). The author's methods are being tested, but it has already been established that the results obtained using them are fully correlated with the results of the first two stages. At the same time, the methods are quickly implemented, do not require extensive psychological training and can be used by teachers, as well as overcome the barrier of protection of students from the study. The research was carried out within the framework of interdisciplinary, cognitive, discursive, narrative-imperative and multiparadigm

approach. The research methods were in-depth psycho-pedagogical and informational interviews, frame analysis, testing, questionnaires, content analysis, intent analysis, projective method, as well as elements of participant observation, complex in-depth textual analysis, interpretation, modeling, generalization, systematization and other general scientific methods. An attempt to analyze cognitive-personal and psychological-social phenomena through the level of linguistic transformations (synergy of humanitarian knowledge) was made.

Keywords: *deviancy, personality, educational environment, deradicalization, psychological and pedagogical diagnostics.*

Введение. Девиантность и различные формы ее проявления в последние десятилетия получает обширное освещение в трудах ученых различных областей гуманитарного знания. Можно считать решенными вопросы понимания самого понятия и его разновидностей; в психологии достаточно полно описаны признаки девиантной личности, ее проявление в социуме; предложены меры профилактики и психолого-педагогической коррекции.

Между тем нерешенными остаются вопросы предупреждения развития девиации (девиантности) на ранних стадиях – в детском и подростковом возрасте, а также вопросы педагогической и психологической диагностики лиц, имеющих склонность к асоциальному или социально опасному поведению, в условиях неспецифических учебных учреждений, то есть силами педагогов, педагогов-психологов, завучей, проректоров и иных лиц, ответственных за сохранение безопасности в школах, ссузах, училищах и вузах.

Речь идет о личностной психологической и социальной безопасности и о так называемой информационно-коммуникационной. Последняя разновидность подробно описана в трудах Г. Грачева и И. Мельника и представлена авторами идеи как «...состояние защищенности индивидуального сознания от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные психоэмоциональные и социальные процессы в условиях межкультурного и внутрикультурного взаимодействия» [1]. Необходимость обеспечения таковой безопасности продиктована требованиями, предъявляемыми к образовательной среде, ее эффективности, а также правовыми и этическими нормами.

Под психологической безопасностью образовательной среды вслед за И. А. Баевой мы понимаем «состояние среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии людей, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и, как следствие, обеспечивающее психологическую защищенность ее участников» [2].

В нескольких наших работах мы предлагаем ввести смежное понятие – информационно-коммуникативную безопасность личности, которая определяется нами как «состояние относительной защищенности индивидуального языкового сознания от воздействия текстов / сообщений, не входящих в поле коммуникативной желательности данной языковой личности и способных вызвать негативный эмоциональный перлокутивный эффект» [3]. В результате длительного теоретического осмысления феномена, проведения мониторинга коммуникативных потоков в образовательной среде (онлайн и офлайн) нами были сформулированы законы информационно-коммуникативной безопасности личности в условиях агрессивной внешней инфосреды (сети Интернет) и сделаны шаги в сторону разработки концепции коммуникативной безопасности в межличностной коммуникации [4, 5, 6]. В частности, была разработана схема так называемого «экологичного равнобезопасного для субъектов коммуникативного процесса», в которую входят следующие составляющие:

– «адресант (инициатор / автор сообщения) и адресат (реципиент) как равнозначимые субъекты процесса»;

– «целенаправленное сообщение», продиктованное желанием и потребностью установления двустороннего контакта;

– «языковой и неязыковой код для его передачи», а также «согласованный обеими сторонами общения канал» передачи информации;

– «контекст, осознаваемый обоими субъектами» и «нейтрализуемые коммуникативные шумы»;

– «языковые и неязыковые картины мира обоих субъектов, которые находятся во взаимодействии»;

– «намеренно встраиваемый фильтр восприятия, установка на остановку заведомо воздействующего текста, его критическое осмысление и последующее принятие в случае оценки сообщения как нужного для развития личности реципиента» [7, с. 239].

Безусловно, данная схема создана как идеализированный мыслительный объект и в действительности без целенаправленного участия взрослого специалиста (педагога или психолога) в подростковой и юношеской среде не реализуется.

Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что в современных условиях проблема девиации и радикализации личности становится не только государственно-правовой проблемой, но и проблемой психологии личности. Важным направлением современного гуманитарного знания представляется изучение и систематизация основ ранней диагностики такого поведения и его коррекция, в особенности с учетом воздействия, которое оказывает на личность сеть Интернет, окружение человека и социально-психологический контекст. Предпринята попытка анализировать когнитивно-личностные и психолого-социальные явления через уровень языковых трансформаций (синергия гуманитарного знания).

Методы и подходы. Научной базой проведенного исследования стали междисциплинарный, когнитивный, дискурсивный, нарративно-императивный и полипарадигмальный подходы. Методами исследования стали глубинные психолого-педагогические и информационные интервью, фрейм-анализ, тестирование, анкетирование, контент-анализ, интент-анализ, проективный метод, также использовались элементы участвующего наблюдения, комплексный глубинный текстовый анализ, интерпретация, моделирование, обобщение, систематизация и другие общенаучные методы.

Исследование проводилось в учебных группах старшего школьного возраста, группах средне-профессиональных учебных заведений, коррекционных группах специальных учебных заведений. Испытуемые были поделены на две группы по результатам первого и второго этапа диагностики – лица группы риска и контрольная группа (условная «норма»).

«Группа риска», или «лица, требующие особого внимания» исследователями Л. Я. Олиференко, Т. И. Шульгой, И. Ф. Деметьевой характеризуются как «лица, в силу обстоятельств жизни наиболее подверженных негативным внешним воздействиям как со стороны общества, так и его криминальных элементов» [8].

Задачи, решенные в ходе многолетнего исследования, можно сформулировать следующим образом:

- дано научно обоснованное определение понятия «радикализованный дискурс», введено в оборот понятие «радикальные параметры психологии девиантной личности»;
- систематизированы маркеры вовлеченности личности в систему социально-речевых девиаций;
- дополнена концепция информационно-коммуникативной безопасности личности;
- выявлены парадигмальные и когнитивные особенности лиц группы риска в образовательной среде;
- определены речемыслительные и психологические особенности лиц, склонных к радикальной деятельности, девиации, открытым проявлениям агрессии;
- расширены представления о возможностях психокоррекции, профилактики девиации и радикализации лиц группы риска.

Результаты. Настоящее исследование носит многолетний характер, включает более десятка методов психоречевой диагностики, которые используются нами в работе. В данной работе мы рассмотрим два из них – те, которые могут быть использованы в образовательной среде с целью выявления психологически нестабильных учащихся, склонных к проявлению агрессии или речевой агрессии, имеющих девиантное речевое и неречевое поведение.

Психоречевая диагностика в том виде, в котором она используется нами в работе, является авторской разработкой и включает три обязательных этапа:

1) диагностика психологических и психических особенностей учащихся, определение уровня агрессивности, конфликтности и других релевантных признаков при помощи профессиональных диагностических инструментов выявления лиц группы риска (используется 8–10 профессиональных психологических тестовых методик, среди которых тесты К. Роджерса и Р. Даймонда, Дж. Роттера, Дж. Равена, шкала Кука – Медлей; методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева и др.);

2) опрос педагогов, родителей, психологов, работающих в учебных учреждениях, а также одноклассников и одноклассников выявленных на первой стадии лиц группы риска с целью сбора информации по наличию в поведении диагностируемых отдельных признаков девиантности или даже радикализации в процессе межличностного, внутригруппового или внешнего сетевого взаи-

модействия (включает 45 вопросов открытого и закрытого типа, составленных нами); также по возможности на этом этапе проводится частичный контроль и мониторинг поведения учащихся в Сети (браузерный анализ);

3) анкетирование лиц группы риска по нашим авторским текстовым методикам с целью выявления отличий в их текстовых реакциях, смысловых интерпретациях, наполнения базовых концептов картины мира по сравнению с представителями контрольной группы (условная «норма»).

Следует дать небольшой комментарий. Согласно нашим представлениям, формирование радикальной личности невозможно вне дискурсивных полей радикальной и девиантной направленности: это значит, что вне соответствующего стимулирующего и формирующего контекста личность не может прийти к усвоению крайних взглядов. На формирование радикальных параметров личности оказывают влияние все типы контекстов, известные в современной теории дискурса: речевой, экзистенциальный, ситуационный, психологический и акциональный [9]. Следовательно, речь, речевое общение, речевой стимульный материал может использоваться в качестве способа диагностики девиационных параметров личности.

В настоящей статье будет дан обзор нескольких методик третьего этапа. Именно эти методики могут использоваться автономно как методы выявления склонности к девиации или радикализации учащихся на ранних стадиях. Их преимуществом является автономность и низкий уровень контроля / сопротивления опрашиваемых.

Первый метод третьего этапа, который был внедрен и апробирован нами, можно отнести к разновидности проективных методик. Он предполагает работу с речевым стимулом и дальнейший последовательный анализ текстовой реакции учащегося на оказанный стимул. В основу при разработке метода легла теория когнитивной метафоры, которая считается знаковым компонентом картины мира и служит ресурсом для выявления ценностей и мыслительных схем ее носителя. Нами использовалось несколько вариантов методики – текстовый, картиночный и словесный (согласно использованным стимулам соответственно – текст, визуальное изображение, слово). Примером последней из упомянутых разновидностей может быть работа со словами и словосочетаниями высокого уровня сопряженности, которые были отобраны нами в качестве потенциальных маркеров девиации (отбор велся методом контент-анализа ключевых лексем, используемых в радикальных дискурсах экстремистской направленности): душа, моя страна, смерть, тело, смысл жизни.

Испытуемым предлагалось дать развернутые определения словесным стимулам. Обязательным условием считалось соблюдение грамматики определения: «'стимул' – это...» («душа – это...», «смерть – это...», «моя страна – это...», «тело – это...» и т. д.). Далее ответы учащихся из группы риска были сопоставлены с ответами представителей группы «норма»:

1) примеры ответов учащихся группы риска: «тело – это храм души», «тело – это тюрьма для души», «тело – это то, что дано человеку на время»; «душа – это то, ради чего мне стоит жить», «душа – это то, что важнее, чем тело, учеба и родственники», «душа – это раба бога»; «смерть – это то, чего не избежать», «смерть – это служение богу», «смерть – то, что желанно» и т. д.;

2) примеры ответов представителей группы «норма»: «тело – это физическая оболочка человека», «тело – это форма жизни», «тело – это то, чем восхищаются художники»; «душа – это то, чем восхищаются поэты», «душа – это эфемерная сущность», «душа – это частица бога на Земле»; «смерть – это то, чем все закончится», «смерть – это то, чего мне хочется избежать», «смерть – то, о чем я боюсь думать» и т. д.

Концептуальный и интерпретационный анализ показал, что, к примеру, в первой группе частотны были реализации концепта «Смерть» как позитивного события в жизни человека (84 % ответов), в то время как представители второй группы маркировали событие как негативное, связывая его с концептом «Страх» либо демонстрируя желание избежать события (78 % ответов). Концепт «Душа» также по-разному осмысливался испытуемыми двух групп: представители группы риска склонялись чаще к негативным оценочным суждениям в связи с указанным концептом (89 % ответов).

В 72 % ответов представителей группы риска наблюдалось невротическое сужение интервала настоящего, ослабленная способность к переживанию телесных радостей. Прошлое воспринимается такими испытуемыми как череда ошибок и невезения, исправить его может только смерть и служение Богу. Будущее, в котором все может «разрешиться», ожидается с нетерпением. Фокус сознания перемещен в будущее: именно там начнется «настоящая» жизнь, она воспринимается как награда за «страдания», «борьбу со злыми силами окружения». Такое отношение к жизни возникает у людей с неразвитым или подавленным чувством инициативы, с угасшим стремлением к жизненным целям и повышенным чувством агрессивности.

Как видно из сравнения маркеров, представленные когнитивные метафоры тестовой группы риска считались нами условно опасными, отражающими негативную картину мира носителя. Их было решено отнести к текстово-стимульным маркерам девиантности, а их носителей, учащих группы риска, предлагалось взять «на контроль», понаблюдать за ними, изучить взаимодействие со сверстниками, семейную обстановку, успеваемость, конфликтность и под.

В 83 % случаев демонстрации текстово-стимульных маркеров девиантности наблюдалась корреляция с результатами, полученными в ходе тестирования первого этапа и опроса второго этапа – то есть испытуемые оценивались взрослым окружением как «нестабильные», «непредсказуемые», «конфликтные», «неблагополучные», «сложные» подростки и юноши (данные второго этапа); согласно же данным психологического тестирования первого этапа, например, по тесту «Диагностика враждебности» (шкала Кука – Медлей), эти лица демонстрировали иные показатели агрессивности и враждебности, чем представители группы «норма» (как правило, значительно выше). В группе «норма» были выявлены низкие значения по шкалам «агрессивность» и «враждебность»: 25,60 – средний показатель агрессивности с тенденцией к низкому и 14,60 – низкий показатель; в группе риска выявлены средне-высокие значения по шкалам «агрессивность» и «враждебность»: 42,70 – средний показатель агрессивности с тенденцией к высокому и 20,50 – средний показатель с тенденцией к высокому.

По опроснику «16 личностных факторов» Р. Кеттела в качестве значимых были установлены факторы С, G, O – эмоциональная устойчивость / неустойчивость, сознательность / беспринципность, склонность к чувству вины (тревожность) / спокойная самоуверенность (спокойствие). В целом все эти показатели были выше в группе «норма»: фактор С имел высокий средний показатель (8,40 в стенах), фактор G – достаточно высокий средний показатель (6,50 – средний с тенденцией к высокому), фактор O – средний показатель в пределах нормы (5,40). В группе риска фактор С имел достаточно высокий средний показатель (6,40 в стенах – средний с тенденцией к высокому), фактор G – средний показатель в пределах нормы (5,10), фактор O – средний показатель в пределах нормы (5,10). Это значит, что представителями первой выборки («нормы») являются учащиеся эмоционально более стабильные, спокойные, уверенные в себе и своих силах, чувственно постоянные, они не боятся сложных ситуаций, выдержаны, решительны, обязательны, ответственны, всегда готовы к действию, основательны, упорны в достижении цели, социально нормированы, у них более выражена сила «супер-ЭГО» (контроля, подчинения общественным нормам). Их педагоги характеризовали как более «успешных», «комфортных», «хороших», «спокойных», «беспроблемных» учащихся.

Другой метод третьего этапа, который был внедрен и апробирован нами, следует отнести к разновидности оценочного анкетирования. Учащимся предлагалось поочередно прослушать несколько песен, отнесенных нами ранее к разновидности радикализованного дискурса (см. [10]) групп «Ногу свело», IC3PEAK (концерты групп запрещены в России). Далее по каждой песне испытуемым предлагался авторский стимульно-смысловой опросник, включающий 13 полярных оценочных суждений и шкалу самооценивания от 0 до 5 к каждому суждению по каждому из них. Приведем примеры суждений из нашего опросника «Оценка и восприятие текста потенциально опасной песни»: «1. Я проголосовал(а) бы за эту песню на конкурсе / поставил(а) бы ей лайк. – Я не проголосовал(а) бы за эту песню на конкурсе / не поставил(а) бы ей лайк. 2. Считаю, что ее автор(ы) талантливые – Считаю, что ее автор(ы) не очень талантливые. 3. Я сохраню эту песню в своей музотеке. – Я не сохраню эту песню в своей музотеке. 4. Идеи, транслируемые в песне, мне симпатичны. – Идеи, транслируемые в песне, мне не симпатичны» и т. д.

Стимульная шкала была переведена в баллы, баллам присвоена расшифровка: 0–52 балла – оценка потенциально опасного текста скорее отрицательная, неприятие идей, высказываемых авторами песни; 53–65 баллов – оценка потенциально опасного текста неопределенно нейтральная; 66–130 баллов – оценка потенциально опасного текста, скорее, положительная, принятие идей, высказываемых авторами песни.

Разделение на группы тестируемых проводилось на основании входных характеристик первого и второго этапов, на основании проведенных психологических тестов и опросников. Прослушивание песен и заполнение опросника проводилось в присутствии тестора и педагога.

По завершении обработки опросников было установлено в группе «норма» среднее значение равное 27,50 (при максимальном значении 130); в группе риска – среднее значение равное 81,70 (при том же максимальном значении). Как разработчики опросника, уточним, что низкий показатель свидетельствует о негативной оценке смыслов, заключенных в текстах

песен, а высокий показатель – о позитивной оценке текста и частичном согласии с постулируемыми в песне идеями. Из приведенных средних значений очевидно, что испытуемые второй группы оценивают песню в большей степени позитивно, склонны переслушивать ее, впитывать идеи и картину мира авторов. Такая оценка песен групп, выступления которых на территории РФ оцениваются как нежелательные, считается нами одной из психотекстовых характеристик девиантности.

Выводы. Данные эмпирического исследования социально-психологических характеристик личности, склонной к положительной оценке потенциально опасного текста и демонстрирующих тексто-стимульные маркеры девиантности, были подкреплены исследованиями первого и второго этапа. В результате были сделаны следующие выводы об особенностях личностей учащихся группы риска.

Как правило, такие учащиеся не включены в процессы социальной адаптации, закрыты и в меньшей степени ориентированы на ценностное восприятие личности другого, не особо стремятся подстраиваться, уступать, идти на компромиссы, существуя в учебной группе. Конфликты решаются ими агрессивно, иногда – силовыми методами. Эгоистичны. Ставят собственные интересы выше интересов других, оправдывают любое проявление собственной личности. Чрезмерно вспыльчивы, резки и упрямы. Чаще испытывают тревогу, внутреннюю обеспокоенность, что внешне находит проявление в излишней обидчивости, подозрительности, недоверии к окружающим, мстительности. Эмоционально неуравновешенны и неустойчивы к воздействию извне, легко переходят в состояние раздражения, гнева, озлобления, обиды. Такие учащиеся в негативно окрашенной эмоциональной ситуации более склонны к мести, им трудно забыть или простить нанесенные им сверстниками обиды. Они не склонны скрывать свои эмоции от социума: вспыльчивость, агрессия, злоба, враждебность могут находить социально приемлемое и социально неприемлемое выражение. Поэтому часто такие люди непопулярны в обществе, с ними стараются не конфликтовать, где-то даже избегать общения с ними. Податливы для манипулятивного воздействия. Их уровень эмоциональной защищенности низок, поддаются разрушительным эмоциям толпы.

Представители этой группы используют интернально-экстернальный тип контроля: другой человек в их интерпретации может становиться причиной их неудач, обид, а потому они склонны обвинять других людей, обстоятельства в своих бедах и неудачах, а в удачно складывающихся обстоятельствах видят только свою заслугу. Ответственность перекладывает на окружающих и на обстоятельства. Склонны обвинять других людей, обстоятельства в своих бедах и неудачах, а в удачно складывающихся обстоятельствах видят только свою заслугу.

Привыкнув видеть причины собственных неурядиц в людях и во враждебно настроенном окружающем мире, они часто прибегают к оправданию агрессивно направленных действий, могут оправдывать насилие или причинение ущерба личности другого.

Человек этой группы менее чувствует себя ответственным за свое здоровье и за свою биологическую жизнь, ему не страшно за собственную жизнь, поэтому агрессивность в случаях проявления направлена на разрушение, причинение ущерба другим людям. Такие люди эмоционально холодно реагируют на ситуации, связанные с угрозой для жизни. Для них социально приемлемыми сценариями поведения становится сценарий выраженной агрессии (возможно, и личностно ориентированной), мщения, вражды.

Учащиеся этой группы эмоционально ригидны, не боятся сложных ситуаций, слишком ориентированы на реальность, не переживают за свое будущее, а потому, как правило, они более халатно относятся к учебе и безразличны к оценкам учителя. Агрессия их является привычной формой самовыражения и не связана с уровнем эмоционального комфорта, поэтому педагоги и родители отмечают наличие трудностей в общении, нахождении друзей.

Педагоги отмечают, что учащиеся из группы риска редко теряют эмоциональное равновесие. Они остаются выдержанными, спокойными даже в ситуациях стресса, это ведет к своего рода эмоциональной холодности: ничто не вызывает у человека сильных реакций, а следовательно, он может сохранять хладнокровие даже в потенциально опасных для жизни ситуациях.

Заключение. Выше представлена лишь часть характеристик и взаимосвязей, которые были получены в результате проведенного исследования. Они были обобщены и представлены психолого-педагогическому составу учебных заведений как усредненный психологический портрет представителя группы риска. Далее была собрана обратная связь. Многие педагоги отмечали, что определенные черты испытуемых уже были продемонстрированы внутри учебного коллектива в отдельных ситуациях (конфликт, учеба, дружба, соревнования).

В перспективе предполагается, что будет издано методическое руководство для педагогов и психологов средних, средне-профессиональных и высших учебных заведений, в котором будут собраны как психологические методики, использованные нами, так и тексто-речевые. Важно отметить, что именно вторая группа методик может использоваться на местах психологами и педагогами с базовым образованием, без специальной подготовки (психологические профессиональные методики более трудоемки и требуют времени и определенных навыков для их использования). Учащиеся, которых можно будет выявлять как потенциально девиантных, далее следует ставить на контроль, наблюдать за ними, посещать их семьи для комплексной оценки ситуации.

Наконец, с ними должна будет регулярно проводиться комплексная профилактическая работа по трем направлениям:

– работа, направленная на снижение уровня агрессивности и конформности поведения и иных негативно маркированных черт, выявленных в ходе диагностики (психологический этап);

– развитие коммуникативных навыков, умение решать конфликтные ситуации, знакомство с методиками самоконтроля и законами экологичного общения (информационно-эвристический этап);

– включение их в творческую созидательную или социально полезную деятельность (этап социальной дистракции – об этом мы также говорим в одном из наших исследований, пока оно находится на этапе издания).

Необходимо дальнейшее теоретико-методологическое комплексное (психологическое, педагогическое, юридическое и лингвистическое) рассмотрение проблемы девиантности и ее проявления в когнитивно-мыслительных схемах, особенностях восприятия представителей группы риска. Необходимо совершенствовать модель ресоциализации личности в системе психологического сопровождения лиц с отклоняющимся поведением с учетом полученных данных. Например, успешная профилактическая работа может быть переориентирована именно на работу с мышлением и системой убеждений, ценностей, а не на изменение поведения человека. Необходимо разработать поэтапную схему процесса ресоциализации личности лиц категории особого внимания; прохождение этих этапов должно способствовать устранению причин и условий радикализации, снижению вовлеченности в смысловое и деятельностное поле идеологии терроризма и экстремизма.

Библиографический список

1. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. М.: Книга по Требованию, 2013. 236 с.
2. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении: практическое руководство / под ред. И. А. Баевой. СПб.: Речь, 2006.
3. Палеха Е. С. Лингвоэкология как фактор информационно-коммуникативной безопасности в сети Интернет // Ученые записки Казанского университета. 2019. Т. 161. № 5-6. С. 117–126.
4. Палеха Е. С. К вопросу об информационной безопасности личности в условиях поликультурного сообщества и агрессивной инфосреды // Комплексные исследования развития физических, социальных и психологических ресурсов человека в системе образования: материалы VI научно-практической конференции Ивановского научного центра РАО. Иваново: ИГУ, 2022. С. 568–574.
5. Палеха Е. С., Хусаинова С. В. Психология кибербезопасности в мультиидентичном сетевом сообществе // Педагогические чтения 2022: Развитие человека в эпоху цифровизации: ценности, смыслы, действия: сборник статей Международной научной конференции, посвященной 300-летию Российской Академии наук. Казань: ИПСП, 2022. С. 208–212.
6. Палеха Е. С., Хусаинова С. В., Иванов Г. А. Концепция информационно-коммуникативной безопасности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 6 (155). С. 234–240.
7. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация; язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–330.
8. Олиференко Л. Я., Шульга Т. И., Дементьева И. Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М.: Academia, 2008. 256 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
10. Палеха Е. С. Радикализированный дискурс: понятие, структура, особенности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 5. С. 59–73.

References

1. Grachev G., Melnik I. Manipulirovanie lichnost'yu [Manipulation of personality]. Moscow, 2013, 236 p. [in Russian].
2. Obespechenie psihologicheskoy bezopasnosti v obrazovatel'nom uchrezhdenii: Prakticheskoe rukovodstvo [Ensuring psychological safety in an educational institution]. Saint-Petersburg, 2006 [in Russian].
3. Palekha E. S. Lingvoekologiya kak faktor informacionno-kommunikativnoj bezopasnosti v seti Internet [Linguoecology as a factor of information and communication security on the Internet]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University], 2019, vol., 161. no. 5-6, pp. 117–126 [in Russian].
4. Palekha E. S. K voprosu ob informacionnoj bezopasnosti lichnosti v usloviyah polikul'turnogo soobshchestva i agressivnoj infosredy [To the question of information security of the individual in the conditions of multicultural community and aggressive infosphere]. *Kompleksnye issledovaniya razvitiya fizicheskikh, social'nyh i psihologicheskikh resursov cheloveka v sisteme obrazovaniya: materialy VI nauchno-prakticheskoy konferencii Ivanovskogo nauchnogo centra RAO* [Complex studies of the development of physical, social and psychological resources of a person in the education system. Materials of the VI scientific and practical conference of the Ivanovo Scientific Center of RAO]. Ivanovo, 2022, pp. 568–574 [in Russian].
5. Palekha E. S., Khusainova S. V. Psihologiya kiberbezopasnosti v mul'tiidentichnom setevom soobshchestve [Psychology of cybersecurity in a multi-identical network community]. *Pedagogicheskie chteniya 2022: Razvitie cheloveka v epohu cifrovizacii: cennosti, smysly, dejstviya: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 300-letiyu Rossijskoj Akademii nauk* [Pedagogical Readings 2022: Human Development in the era of digitalization: values, meanings, actions. Collection of articles of the international scientific conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Kazan, 2022, pp. 208–212 [in Russian].
6. Palekha E. S., Khusainova S. V., Ivanov G. A. Konceptiya informacionno-kommunikativnoj bezopasnosti [Concept of information and communication security]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022, no. 6 (155), pp. 234–240 [in Russian].
7. Jacobson R. O. Rehevaya kommunikaciya; yazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii [Speech communication; language in relation to other communication systems]. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, 1985, pp. 306–330 [in Russian].
8. Oliferenko L. Ya., Shul'ga T. I., Dement'eva I. F. Social'no-pedagogicheskaya podderzhka detej gruppy riska [Social and pedagogical support of children at risk]. Moscow, 2008, 256 p. [in Russian].
9. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, 2003, 280 p. [in Russian].
10. Palekha E. S. Radikalizovannyj diskurs: ponyatie, struktura, osobennosti [Radicalized discourse: concept, structure, features]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of the Kazan University], 2022, no. 5, pp. 59–73 [in Russian].